

и постоянная мультизадачность. Об опасности долговременного переключения внимания писал, например, Миснер¹.

Еще один медицинский термин — киберхондрия (или более разговорная форма этого термина — киберхандра) высвечивает очередную проблему, связанную с цифровизацией, — неконтролируемое стремление постоянного поиска информации в интернете. Потенциально учащийся за пять минут может стать более «эрудированным», чем любой университетский профессор. Однако подобное информационное изобилие неизбежно приводит к быстрому пресыщению и потере интереса, а в результате — к психическим проблемам и даже суицидам².

Обучающийся не может угадать, что принесет ему заработок через пять или более лет, поэтому особенно актуальным становится практическое и краткосрочное образование. Однако, как уже было сказано выше, ресурсы человеческого сознания ограничены, и человек не может постоянно заниматься переподготовкой. В некотором роде разработка искусственного интеллекта и роботизация связана, в том числе, и с этой проблемой — недостаточной гибкостью человеческого разума. Ряд исследователей прогнозирует, что к 2050 году количество информации увеличится настолько, что возникнет так называемая технологическая сингулярность — человечество преодолет точку невозврата, после которой технологический прогресс станет настолько сложен, что окажется непостижимым для человеческого понимания³. В результате произойдет отчуждение человека от прогресса, интеллектуальная сфера станет уделом машины — искусственного интеллекта.

Поляков Михаил Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Доказательства и цифровая подпись в уголовном процессе: ожидание волшебства

Нижегородская (Томинская) школа процессуалистов пытается понять и оценить тенденции, происходящие в современном уголовном судопроизводстве через систему противоречий, этому судопроизводству присущих. Среди них особое место занимает информационное противоречие, к преодолению которого уже несколько веков стремится технология уголовно-процессуального доказывания. Суть противоречия заключается в том, что объективность цели уголовного судопроизводства, предполагающая неременное установление материальной истины, наталкивается на субъективное несовершенство процессуальных средств ее установления (объективную истину ищут субъективные люди). Поэтому всякое интеллектуальное изобретение, позволяющее при получении информации вырваться из оков субъективности, воспринимается уголовным процессом с верой и надеждой, что может быть, наконец, появилось оно — долгожданное волшебное средство, минимизирующее издержки субъективного (человеческого) фактора в формировании уголовно-процессуальных доказательств.

Именно по этой причине современный уголовный процесс обращает пристальное и очень пристальное внимание на внедрение в сферу юстиции информационных технологий. Относительно процессуальных горизонтов этих технологий делаются самые разные футурологические прогнозы, в том числе и весьма фантастические. Однако дифференциация взглядов на грядущее «компьютерное» бытие уголовного судопроизводства унифицируется в преимущественно утилитарно-техническом подходе. Информационно-техническая сторона новых доказательств, красноречиво названных «электронными доказательствами», несомненно, важна, но для понимания сути самой цифровой экспансии, которой медленно, но неотвратимо начинает подвергаться уголовно-процессуальное доказывание, далеко не исчерпывающая и, по нашим оценкам, даже не самая важная. Перспективы внедрения «цифры» не могут быть поняты и оценены в рамках сугубо утилитарно-технического подхода. Для понимания масштаба и судьбы этого информационно-технологического явления необходим особый философский взгляд и корректировка мировоззрения.

¹ Misner I. The Danger of Continuous Partial Attention. URL: <https://www.entrepreneur.com/article/240254> (дата обращения: 20.11.2019).

² См.: Ravens Sieberer U., Erhart M., Gosch A., Wille N. and other. Mental health of children and adolescents in 12 European countries — results from the European KIDSCREEN study // Clin. Psychol. Psychother. 2008. No. 15. P. 154—163.

³ Vinge V. "The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era", in Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G.A. Landis, ed. // NASA Publication CP-10129, 1993. P. 11—22.

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

И первое, что необходимо понять и принять по-новому, это то, что современное уголовное судопроизводство меняется, причем меняется под напором не только методологических, но и идеологических обстоятельств. Именно концепты идеологии и методологии являются скрытыми полюсами, приводящими в движение энергетику трансформации судопроизводства во все времена. Высказанная мысль только с первого взгляда кажется простой, банальной и мало чем отличающейся от известных умозаключений чеховского героя Ипполита Ипполитовича, прославившегося «Волгой, впадающей в Каспийское море». На самом деле мысль эта невероятно глубока; именно она является ключом к пониманию современных тенденций развития судопроизводства.

Важно четко понимать, что уголовное судопроизводство меняется под напором разных, но отнюдь не произвольных обстоятельств. Существенное влияние на его внешнее оформление оказывают политические потрясения и пертурбации. Ни одна революция не обходилась без глубоких переделок уголовно-процессуальных устоев. Однако в методологическое ядро доказывания проникают исключительно искры информационно-интеллектуальных революций, реальные прорывы в развитии познавательных возможностей человека. А в последнее время этот тезис можно уточнить добавлением — и «познавательных возможностей компьютерной техники». И в этой связи четвертая информационная революция, справедливо нареченная цифровой, неминуемо ведет к глубокому, в том числе и философскому переосмыслению информационно-доказательственной идеологии и методологии уголовного процесса.

В старые добрые времена уголовный процесс очень доброжелательно отреагировал на изобретение письменности, сделав ее своим важнейшим инструментом и создав на этой базе новые виды доказательств. Но это произошло не сразу и не вдруг. Для того чтобы письменность как порождение информационной революции уверенно проникла в уголовно-процессуальную технологию и заняла в ней подобающее место, понадобилась еще одна интеллектуально-мировоззренческая революция, которая переставила уголовное судопроизводство на научные рельсы, выбив из-под него прежние религиозные подпорки. Именно в этом синтезе новой технологии и нового мировоззрения и родился особый тип уголовного судопроизводства — инквизиционный (разыскной) процесс.

Сегодня уголовный процесс настроился сделать такой же доверительный дружественный шаг и в отношении письменности нового технологического рода. Условно эту письменность вполне можно назвать — «цифрописью». Но «цифропись» — это не просто инструмент, это «технология-идеология», порождающая потребность в теоретическом осмыслении и последующем практическом внедрении принципиально нового вида доказательства, основанного не на «слове», а на «цифре». Для полноценной интеграции «цифрописи» в уголовно-процессуальное доказывание недостаточно лишь совершенных технических приспособлений и заумных призывов «искусственного интеллекта». Здесь не обойтись без интеллектуальной и идеологической революции (как минимум перестройки). Иными словами, цифровой должна стать не только техника, но и мировоззрение; мировоззрение как тех, кто формирует доказательства, так и тех, кого они призваны убедить, включая самые широкие социальные слои.

Электронный документооборот, электронные доказательства — это еще не «цифровизация» уголовного процесса; это лишь импровизация на тему «цифровизации». Подлинная «цифровизация» — это рокировка ключевых идеолого-методологических концептов. В новом мировоззрении «слово» должно уступить свое главенствующее место «цифре». Подобно тому, как в качестве приоритетного направления развития государства сегодня объявляется перевод его на цифровую платформу¹, такая же платформа неотступно движется и в сторону уголовного судопроизводства. Но подчеркнем еще раз, платформа эта должна быть не только технологическая, но и идеологическая.

В современном уголовном процессе «слово» уже не является монополистом. Письменность в свое время позволила ослабить зависимость слова от человека, позволила «консервировать» это слово в письменных актах. Описание как главный инструмент доказательственной технологии, несмотря на расширение других технических средств доказательственной презентации, было ключевым интеллектуальным принципом судопроизводства. Именно слово во все времена лежало

¹ Мишустин хочет превратить государство в цифровую платформу для людей. URL: <https://rueconomics.ru/425318-mishustin-khochet-prevratit-gosudarstvo-v-cifrovuyu-platformu-dlya-lyudei>

в основе юридических процессов. Отсюда и возведение устности судебного разбирательства в неотъемлемый принцип состязательной модели судопроизводства. В этом как раз и проявляется дань символического уважения Слову.

Но времена безраздельного царства «слова» уходят. Уходят в мире обыденном, уходят и в уголовном процессе. И этот уход вряд ли растянется на века; приближающаяся цифровая платформа не позволит. Важно понимать, что «цифропись» это не просто удобное технологическое приложение к «слову»; это не средство и не цель: это — мировоззренческая идея. Идея, которая непременно прорастет идеологической революцией в самом уголовном судопроизводстве. Поэтому не следует удивляться, что «электронные доказательства» (как первые признаки материализации «цифрописи») на сегодняшний день это не столько юридическое понятие, сколько метафора, задающая общее направление поиска новых идеологических основания для методологической революции в теории доказательств и практике доказывания.

Идея «цифрописи» еще только-только начинает материализовываться в новую уголовно-процессуальную технологию, способную составить достойную конкуренцию технологии, основанной на формальной логике, усиленной традиционной письменностью. «Цифропись» становится знаком современного мира, предвестником цифрового правосудия.

Но идея «цифрописи» не может полноценно прорасти на уровне привычной физики и традиционной юриспруденции. Интерпретируя эту идею в контексте привычных юридических понятий и устоявшегося мировоззрения, трудно разглядеть суть, которая порождает предпосылки методологических перемен в доказывании, для которых слово «волшебство» является вполне подходящим. Чтобы увидеть эту суть, нужен не технологический подход, а подход идеологический.

Возможно, кому-то покажется странным, но идеологические предпосылки для «цифрописи» сложились еще в древние времена, но корректируются запросом из будущего. Поэтому саму эту идею нужно оценивать в особом историческом, футурологическом и культурном контексте, не игнорируя иррациональных нюансов. И уже отталкиваясь от этих концептуальных представлений, двигаться к технической и юридической оболочкам «цифрописи» в уголовном процессе.

Идея «цифрописи», обнаруживающая себя в современной юридической теории через понятие электронных доказательств, знаменует начало новой «волшебной» эпохи в доказывании, возвещает приближение новой электронной эры в судопроизводстве, эры таинственной и пугающей и вместе с тем многообещающей.

P.S. В англо-саксонских странах очень почитается молитва: «Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить. И дай мне мудрость отличить одно от другого».

Нам не отменить, не изменить экспансии «цифрописи» в уголовное судопроизводство. И, следовательно, не нужно расходовать научное мужество на сопротивление неотвратимому. Вся мудрость юридической науки должна быть направлена на то, чтобы гипотетическое волшебство «цифрописи» обратить в реальное чудо цифрового уголовного процесса.

Аблеев Сергей Рифатович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кузьминская Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Цифровые технологии в системе образования: проблема дегуманизации

В современной России в сфере образования, как и в экономике, укрепилась аксиологическая парадигма радикального модернизма, согласно которой всякая инновация априори является благом. На самом деле все, конечно, не так просто и реальная картина использования тех или иных инноваций порой выглядит вовсе не однозначно и далеко не позитивно. Вполне очевидно, что да-